

НОЧЬ БЕЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

«Я чувствую себя художником средневековья: они изображали Зло, чтобы научить Добру...» — говорит Дарио Ардженто

Независимая газета, 1999 — 29 июля. — с. 7

Антон Мазуров

ДАРИО, минувшая ночь в Москве не принесла каких-нибудь ужасов?

— (Смеется.) Нет. Ночь в Москве принесла отдых, потому что я был очень усталый.

— Понятно. Я должен сразу сказать, что за последние десять лет в России выросло поколение поклонников вашего творчества. Я думаю, что первый ваш фильм, показанный у нас на широком экране, — «Призрак оперы» — будет пользоваться успехом. Хотя, конечно, это не американский блокбастер, и потому у картины будет совершенно определенная аудитория. Вчера на пресс-конференции вы упомянули очень важное имя Жоржа Мельеса. Вы считаете себя твердым «мельесовцем», наследником его эстетики?

— Да. Я — большой почитатель Мельеса. Пару лет назад дочь Мельеса, которая отреставрировала все его старые фильмы, представила эту ретроспективу в Риме. Я их все видел. Мельес в эпоху реализма пошел в сторону фантазии. Он повел кино к фантазии. В тот период кино разделялось уже на два пути: «кино реальности» и «кино фантазии». Я, естественно, в команде Мельеса.

— Как в связи с этим вы относитесь к творчеству такого твердого «мельесовца», как Терри Гилльям?

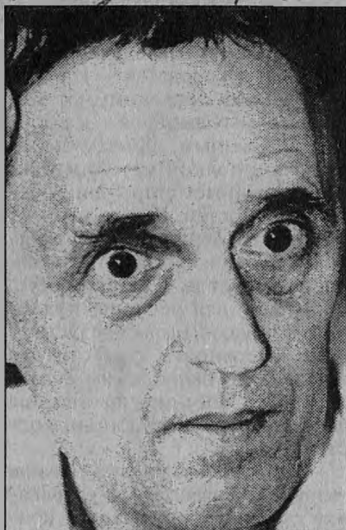
— Мне оно очень нравится.

— Какой его фильм вас больше всего привлекает?

— «Бразилия».

— Вопрос о Хичкоке. Конечно же, Альфред Хичкок — отец саспенса. Но я не видел в ваших «саспенсовских» фильмах Хичкока, его влияния. И, на мой взгляд, «Призрак оперы» в этом смысле наиболее приближен к Хичкоку, поскольку там присутствует так свойственная Хичкоку, а теперь и вам, желчная ирония. Так ли это?

— Я очень хорошо знаю Хичко-

Дарио Ардженто.
Фото Артема Чернова (НГ-фото)

ка, потому что, прежде чем заниматься режиссурой, был критиком. То есть это — автор, которого я очень изучал. Я не знаю, насколько он хичкокский, мой фильм. Дело в том, что Хичкок своим стилем повлиял не только на фильмы ужасов, на комедии он также повлиял. На всё. Он изменил концепцию производства фильмов. Он — мифическая фигура. Мы все что-то ему должны.

— С чем связано такое жесткое, саркастическое отношение к итальянскому национальному достоянию? Хотя действие «Призрака оперы» происходит в Париже... Вы не любите оперу?

— Нет. Мне очень нравится опера. Меня опера интересует. Однако в девятнадцатом веке она представлялась несколько бурлеско. В девятнадцатом веке она была в преувеличенном виде. Тогда не было кино, не было радио — была только ОПЕРА. То есть она также была в центре многих безумств, сумасбродств.

— Приглашение в сценаристы Жерара Браша — это ли было при-

чиной такого глубокого эротизма вашего фильма? Или его именно Ася привнесла своим очередным появлением?

— Я думаю, что эротизм, о котором вы говорите, привнесла Ася. Хотя и сотрудничество с Брашем было очень важным и очень хорошим. Браш — это человек больной. Он — агорофоб. Он не может выходить. Он уже тридцать лет не выходит из своего дома. Этот человек меня очень интересует. Это человек творческий, чарующий. Он работал над фильмами Полянского.

— Двадцатые, тридцатые годы. Как вам кажется, кто ближе всего вам по эстетике? В американском trash-кино, в американском кино так называемой категории Б?

— Просто можно сказать — Тод Браунинг. Но меня очень интересует немецкое кино — экспрессионизм, Мурнау, Фриш Ланг. Я думаю, что они очень повлияли на меня.

— Видели ли вы фильм «Боги и монстры»? Нравится ли вам этот фильм? И кажется ли вам важным, чтобы появился после «Эд Вуда» такой фильм, проникнутый опять теплотой именно к такому кино 20–30-х годов?

— Да. Фильм очень интересный. Я не знал этого режиссера. Я не знал, что у него такие проблемы. Мне говорили американские друзья, что фильм несколько ро-

мантизирован по отношению к реальной концепции жизни.

— Несомненно, это миф. Но это — теплый миф.

— Да. Да.

— Может быть, вам будет интересно, что сейчас снимается третий фильм этой «трилогии», где Джон Малкович играет Мурнау...

— О!

— Скажите, влияние Серджо Леоне как-то вы чувствуете?

— Нет. Хотя я с ним работал... Но... я не уверен.

— Вы писали ему сценарий «Однажды в Америке». Леоне, как мало кто, умеет создавать атмосферу. Это блестяще удастся и вам. Разве не является это как раз знаком такого влияния — в частности, Леоне?

— Может быть. Как способ понимания кино... понимания того, что мы описываем при помощи кинокамеры. Кинокамера может стать чем-то вроде ручки писателя. И предложить тебе стиль фильма. Это тот урок, который я у него взял.

— Последний вопрос. Кроме Джоржо Ромеоро, кроме семейства Бава, кого из итальянских режиссеров вы можете назвать близкими вам?

— Феллини. И Антониони — особенно в том, что касается моего первого фильма «Птицы с хрустальными перьями».

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Дарио Ардженто — культовый итальянский режиссер. Мастер хоррора. Дебютировал в режиссуре в 1970 году фильмом «Птицы с хрустальными перьями». Работал с Серджо Леоне, в частности, как сценарист фильма «Однажды в Америке». В настоящее время вместе с Джорджо Ромеоро и Ламберто Бава продолжает художественную традицию, начатую в итальянском кино ре-

жиссером Марио Бава. Дочь Ардженто Ася (Asia) снимается в его фильмах с четырех лет. Последний фильм маэстро — экранизация классического романа ужасов Гастона Леру «Призрак оперы». Действие происходит в Парижской опере в конце XIX века. Череда кровавых преступлений сталкивает актеров труппы с человеком, брошенным в грудном возрасте родителями и воспитанным крысами. Фильм выходит в российский прокат в октябре.